

Журнал Пионер

№9 за 1990 год

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №9 за 1990 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44476-7

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44476-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рю, вставшей между ними неприступной гранитной стеной. Толик испытывал страшную опустошенность. Движения его стали медлительны и вялы. Одно произошло: с мамой стряслась огромная беда, хуже не бывает. Уже не обойдется, не образуется, не станет как прежде. Тьма надвинулась на него, и последнее, что он помнил, было желание лечь на полу у входа, чтобы не прозевать вызволения.

...Третье утро без мамы. То ли со сна, то ли с голодухи, но, взяв на руки сестренку, Толик ощутил предательское подрагивание коленей. Что делать? Об их беде всем известно, но никто не бьет тревогу, не спешит с вызволением. Чем они провинились... Мир внезапно изменился, стал безжалостен и недоступен пониманию. Толик снова засел за плиту, плотно прикрыв обе двери. Черпанул ложку песка, залил водой. Промытый желудок потребовал чего-нибудь посущественнее. Набросился на манную крупу. Глотал поспешно, пока не ощутил тяжелого, неприятного насыщения.

Яростная трескотня звонка взорвала тишину злощастной квартиры.

— Толя, как вы там? — спросила Клавдия Степановна.

— С Юлькой совсем плохо.

— Не плачь. Плачем не поможем!.. Была в милиции, сказали — ждать.

Снова стояли они по разные стороны закрытых дверей и переговаривались, как жители разных миров.

...За войну Клавдия Степановна надолбала ломом, намахалась киркой и лопатой. Ходила на окопы, разбирала завалы, вскапывала здесь, во дворе, выковыривая булыжники, свой малюсенький огородишко. На такую дверь приналежь, она распахнется, как игрушечная. Но печать завораживала. Печать — не замок. не сорвешь, не сломаешь. Этой бумажной полоской с круглым, бледно-сиреневым оттиском женщина панически боялась... Прошел не один час, прежде чем она решилась действовать.

Дети канючили в два голоса... Оставлять их одних в квартире еще на одну ночь нельзя. Если случится несчастье, она никогда себе этого не простит. С ненавистью глянула женщина на печать и поняла, что не отступится. Зачем тянуть?

— Толя, ты чем громыхал, когда я впервой пошла?

— Молотком, — оживился изнемогший мальчик.

— Топор у вас где, знаешь?

— Ага...

— Тащи его... Принес? Руби филенку внизу... Так, сильнее... Потрескивает, чуешь?

Толик чуял одно: его немощные потуги ничтожны, топор отскакивает от доски, как от камня.

— Отойти-кося. Пособлю чуток.

Сильный удар потряс дверь. Сперва треснула одна дощечка, потом соседняя, и не успел Толик опомниться, как в двери зияло квадратное отверстие. Все произошло так быстро и просто, что Толику не верилось в долгожданное спасение.

Женщина грузно присела, и они оказались носом к носу. Суровым, дрожащим от напряжения и страха голосом она шепнула в самое ухо мальчика:

— Скажешь, что сам порубал! Что пособляла, молчи! Я ж чуток приложила... Тебе ничего не будет, ты маленький.

— Ладно, — обрадованно бормотал заплаканный Толик, высовывая наружу нос и глубоко, всей грудью вдыхая сыроватую прохладу.

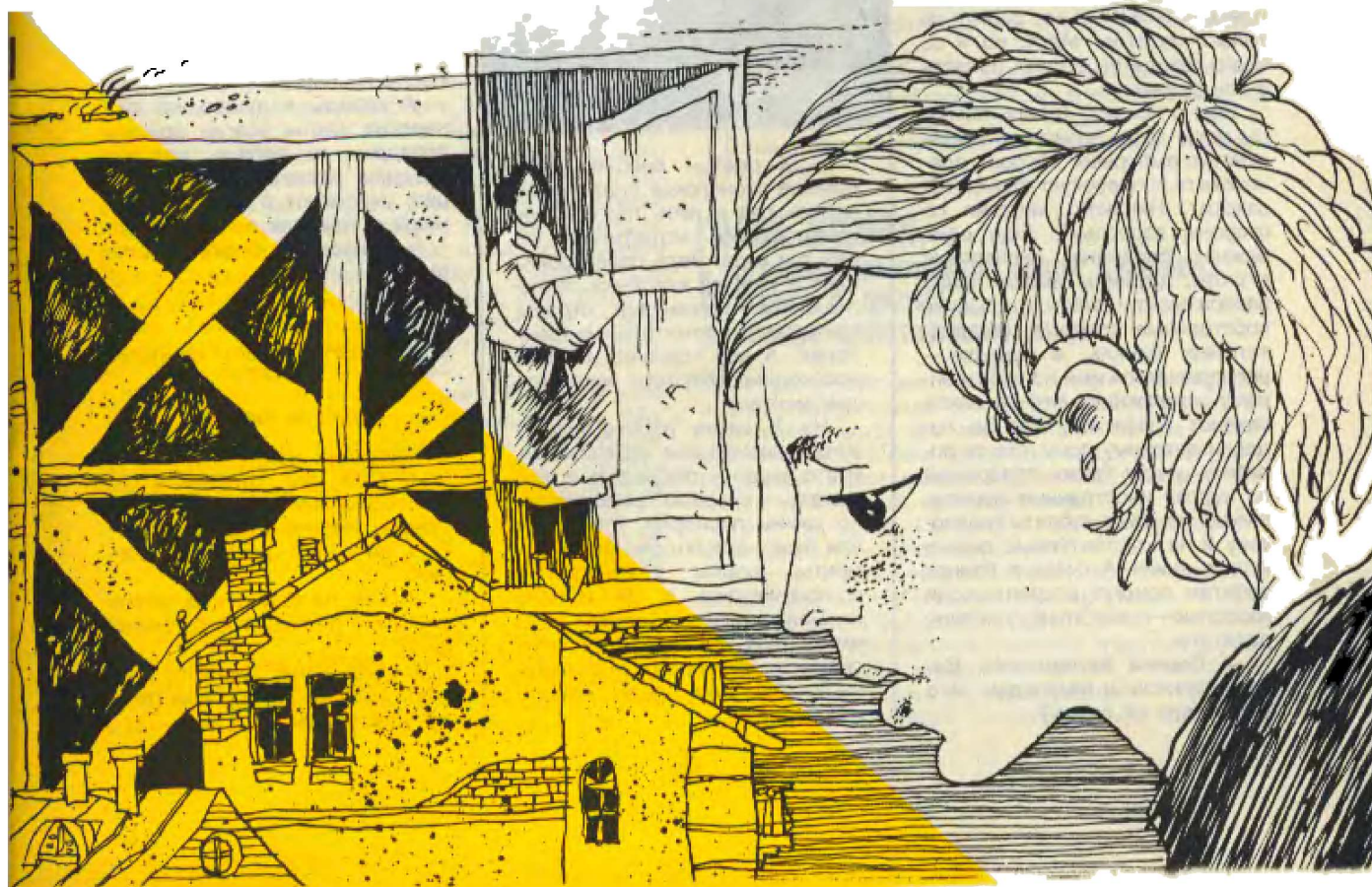
— Тащи Юльку!

Часа через два, накормленные и притихшие, они покинули квартиру соседки. В полусотне шагов от милиции, в темной подворотне Клавдия Степановна бережно передала Толику укутанную, сипло сопящую девочку.

— Смотри, проговоришься, будет у меня беда.

— Не проговорюсь. Я сам дверь рубал.

Клавдия Степановна дождалась, пока за Толиком и Юлькой захлопнулись тяжелые двери.

Двадцать пятого сентября начинается работу X Всесоюзный слет пионеров. С заместителем председателя ЦС ВПО имени В. И. Ленина Сергеем Валерьевичем ЦЫГАНОВЫМ беседует наш корреспондент Ирина Анастольева.

— Сергей Валерьевич, после IX слета пионеров прошло три года. Накануне X слета хотелось бы узнать, что нового в пионерской жизни?

— Нового немало. И все это «новое» можно объединить одним: пионерам предоставлены большие права и возможности. Теперь уже не на уровне разговоров, а в жизни. Ребята сами могут решать, что и как делать: никто, даже директор школы, не должен вмешиваться в пионерские дела... Могут ребята идти в любой понравившийся им отряд — разновозрастный, спортивный, туристский. Никто не может заставить пионера, как раньше, быть прикованным к отряду, образованному в классе...

— Назовите, пожалуйста, адреса таких вот внешкольных отрядов.

— Есть они уже в Свердловской области, Ставропольском крае. В Свердловске появилась пионерская дружина при одном из молодежно-жилищных комплексов (МЖК). И вот ребята не только из этого МЖК, но и со всего города стремятся попасть в эту дружину...

Еще о правах. Теперь пионеры могут сами назначать время отчетно-выборных сборов, планировать пионерскую жизнь, как захотят. Никакого насилия со стороны взрослых!.. Еще одна важная перемена: пионерские отряды, дружины имеют право зарабатывать деньги, открывать собственные счета в сберегательных банках, а дальше — распоряжаться ими по собственному усмотрению. Кто на поход захочет потратить, кто на подарки детскому дому, кто-то оплатить учебу своих товарищей на курсах иностранных языков, а иные мечтают собрать библиотеку и на коллективные деньги купить книги. А счета в банках ребятам помогут открыть люди взрослые — вожатые, учителя, родители.

— Сергей Валерьевич, Ваши прогнозы и надежды: чего Вы ждете от слета?

Ждем жарких споров

— X слет — внеочередной. Раньше пионерские слеты собирались раз в пять лет. Теперь понадобилось встретиться через три года. Ведь перестройка идет в каждой клеточке обновляющегося организма страны. Наступают стремительные изменения. А все хорошее и новое необходимо обсудить, закрепить документами.

На X слете ребята примут Устав пионерской организации. И это право — обсуждать и принимать — впервые предоставлено самим пионерам. Раньше-то как было: все положения, документы, планы утверждались и принимались в ЦК ВЛКСМ и Центральном Совете ВПО имени В. И. Ленина, затем «спускались» пионерам готовенькими — вот вам, дети, живите и работайте...

Поэтому от X слета ждем жарких споров. Мы их не боимся и — подчеркиваю — ждем с нетерпением.

— По какому принципу отобраны ребята-делегаты на X слет? Не секрет, что в недалеком прошлом этот вопрос решали взрослые дяди в кабинетах райкомов, горкомов и обкомов...

— Каких-то принципов по отбору ребят ЦС ВПО не определял. Кому быть делегатом слета, должны были решить сами ребята на местах. Об этом и довольно большая почта Центрального Совета. Я, например, получил письмо от одного мальчика из города Элисты. Он рассказал, как выбирались ребята-делегаты на прошлый слет. И просил, чтобы взрослые не диктовали. Именно поэтому прежде и оказывались случайные ребята на слетах.

Впервые на слет приедут также взрослые с разных концов страны — 300 делегатов. И 1 700 пионеров. Чтобы поработать друг с другом на равных.

Итак, мы надеемся, что главные решения: кому ехать в «Артек», на X слет, приняли ребята на местах. А делегаты-ребята приедут с наказами от каждого края, от каждой области. С тем, что выработано коллективно максимальным числом пионеров. Ведь в среднем за каждым делегатом стоят около десяти тысяч пионеров.

А впредь, я думаю, на пионерские слеты всегда должны попадать те ребята, которые преданы пионерской организации, участвуют в ее делах, думают о том, как ее улучшить.

— Спасибо, Сергей Валерьевич.

От «ПИОНЕР»ского агентства «ФАКТ»

Дорогие пионеры!

Напишите нам:

1. Кого вы отправили на X Всесоюзный слет пионеров? Почему именно этого пионера? Есть ли у него (нее) своя позиция?

2. Как, на ваш взгляд, можно улучшить пионерскую организацию?

На конверте напишите: «X слет». Самые интересные письма опубликуем.

Андрей МАКСИМОВ

ДОМ ТУСИТАЛЫ

ПОВЕСТЬ *

Рисунки И. ГОНЧАРУКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (начало), в которой автор пишет три первых фразы

Как известно, самое трудное: написать первую фразу. Поэтому на всякий случай я заготовил три начала.

Первое было такое.

Роберт Луис Стивенсон принадлежит к тем писателям, о которых слышали все, читали ** — многие и почти никто ничего не знает.

Это начало было неплохое, но нескромное: получалось, что никто, мол, не знает, а я знаю.

Имелось в запасе второе начало для повести. Оно звучало так.

Ричард Олдингтон свою замечательную книгу о Стивенсоне назвал «Портрет бунтаря». Прочитайте ее, в ней — вся жизнь великого писателя. Мы же расскажем о сравнительно небольшом, хотя и очень важном, отрезке его жизни — о последних годах на острове Самоа. Это ни в коей мере не жизнеописание, скорее легенда. Туситала, или Сочинитель Историй (так называли Роберта Луиса Стивенсона туземцы), станет главным героем нашего повествования. Впрочем, если быть до конца точным, главным героем станет дом Туситалы. Может ли дом быть героем? По-моему, вполне. Если, конечно, дом живой...

Это начало было куда скромней. Но в нем явно сквозило нечто извинительно-объясняющее. Может, и стоило бы что-то объяснить в этой повести, но не с первых же страниц! Зачем объяснения по поводу того, чего нет? Время объяснений пока не наступило.

И, наконец, у моего рассказа было третье начало. Безусловно, самое замечательное, ибо принад-

лежит не мне, а моему герою. Если автор возьмел наглость взять прототипом главного героя историческое лицо, — тут уж никак не обойтись без эпиграфа. Пусть эпиграф и будет началом.

«Какие трагедии непонимания и несовершенства разыгрываются в мире людей: здесь властвуют возведенная в систему несправедливость, грусливое насилие, предательские злодеяния и нестерпимая слабость. Человек обречен на поражение своих попыток быть нравственным, и все же попытки эти продолжаются, трогая нас своей неутомимостью... Пусть для веры нашей будет довольно, если мы понимаем, что все живое стоит в смертной своей брэнности, стойко, неотступно борется — не может же все это быть напрасно. 1888 год».

Эти слова Стивенсона лучшее начало. И хватит для первой главы. А все, что мы в ней не объяснили, объясним позже.

Пока же начало у повести есть и можно переходить к делу.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляются Джон Сильвер, Туситала и другие, не менее действующие лица

Он почувствовал: кто-то очень настырный и злой выкручивает его легкие, выдавливает из них кровь и когда она уже хлынула горлом и зеленый самоанский день мгновенно канул в темноту — оттуда, из темноты, вышел одноногий человек, одетый в просторный красный плащ.

«Это ты, Джон Сильвер? — ислуганшо спросил Туситала. — Ты пришел за мной?»

А вокруг уже суетились люди: кто-то укрывал его пледом, кто-то мчался за лекарствами... В углу комнаты стоял высокий, широкоплечий самоанец, на его щеке красовался длинный ножевой шрам.

Но Туситала не видел всего этого. У него перед глазами колыхалось красное марево — красный плащ Джона Сильвера, и, значит, снова предстоял

* Журнальный вариант.

** Под словом «читали» я не имею в виду, разумеется, «Остров сокровищ», «Черную стрелу» и балладу «Вересковый мед». Собрание сочинений Роберта Луиса Стивенсона на русском языке составляет 6 (!!!) объемистых томов, в которых и проза, и поэзия, и публицистика.

страшный этот диалог, который всегда приносил нестерпимые физические мучения.

— Но почему именно ты, Джон Сильвер, стал посланником моей болезни? — выдохнул Туситала.

Сильвер ничего не ответил, лишь улыбнулся — чуть презрительно и высокомерно.

— Ты, созданный из моей фантазии, чувств и нервов, собираешься увести меня из этого мира? Где справедливость? — продолжал задавать свои вечные вопросы Туситала. — У моей болезни были разные посланники: жестокий ветер хотел выдуть из меня душу — я до сих пор боюсь ветра. Красный туман застилал мне глаза, и мне казалось: я останусь в этом тумане навсегда. Страшные человечки танцевали передо мной жуткий танец, и я чувствовал, как мои легкие раздираются на куски. Так было с самого детства... Но в последнее время ко мне приходишь только ты, Джон Сильвер. И я хочу знать: почему?

— Всею свой срок, создатель. Всею свой срок. Когда-нибудь я приду к тебе и скажу: «Сдается мне, твое время кончилось». И тогда мы уйдем вместе. Ты понимаешь, куда мы пойдем?

— Нет, Джон Сильвер, расскажи. Сколько помню себя — все время болею и все время думаю: куда же девается человек, когда умирает?

Но Джон Сильвер ничего не ответил. Лишь, скрипя костылем, шагнул из темноты, протянув свободную руку к Туситале. Туситала произвольно отшатнулся.

Фэнни, увидев, как муж дернулся на кровати, положила руку ему на лоб.

Фэнни — невысокая смуглая женщина, прекрасная той спокойной и величественной красотой, которая не лезет настойчиво в глаза и потому не вызывает случайных слов восхищения, но если уж пленяет — навсегда.

— Как странно, — обратилась Фэнни к своему сыну, молодому и чрезвычайно энергичному человеку. — Почему, когда кровотечение из горла у него чуть останавливается, он шевелит губами, будто разговаривает с кем-то?

Ллойд ничего не ответил. Он слишком хорошо знал свою мать и понимал, когда она говорит для того, чтобы получить ответ, а когда — лишь потому, что не в силах сама справиться со своими размышлениями. Фэнни хотела знать о своем муже все, даже его мысли. Впрочем, мысли — прежде всего: кто, если не она, защитит Луиса от плохих дум? Ллойд понимал: то, что во время приступов Туситала уходит от нее, то, что творится с ним необъяснимое, приносило Фэнни настоящие страдания.

Туситала вскрикнул, губы его раскрылись, Фэнни наклонилась, почти касаясь ухом его губ, но ничего не смогла услышать, кроме стога.

— Так ты не забираешь меня пока? Не уведешь, добрый Сильвер? — Туситала попытался рассмеяться, но вместо смеха раздался стон. — Я не боюсь тебя, Сильвер, не боюсь смерти, но я не хочу уходить именно сейчас. Подожди немного, и я закончу его! Я создам! «Уир Гермистон» будет лучшей моей книгой! Брэксфильд*, скажу тебе честно, будет помельче моего лорда Гермистона. У меня получается настоящий шотландский су-

* Судья Роберт Мак-Куин, лорд Брэксфильд, явился прототипом героя последнего романа Стивенсона — «Уир Гермистон». Более подробно об этом можно прочесть в книге Н. Дьяконовой «Стивенсон и английская литература XIX века» (Л., 1984, с. 142). Несмотря на сугубо научное название, книга, я думаю, прочтется с интересом всеми мало-мальски любопытными людьми.

дья, которого можно ненавидеть, но не уважать — нельзя. Впрочем, тебе, наверно, это неинтересно, ты ведь не читаешь книг, Джон Сильвер?

— У меня другая профессия, создатель, — усмехнулся Сильвер. — И я желаю тебе удачи в твоём деле. Да поможет тебе бог или дьявол — не знаю уж, кому ты поклоняешься. Но помни: у тебя мало времени, а ты непростительно отвлекаешься. Когда ведешь корабль, нельзя одновременно пересчитывать звезды.

Перед его глазами стояло черное, густое марево, внутри которого светился огонек трубки Сильвера. И чем больше говорил пират, тем больше становилось его создателю. Но не было в мире силы, которая могла бы заставить Сильвера уйти прежде, чем Сильвер решит уйти сам. И потому Туситала продолжил этот странный и страшный диалог. В этих диалогах Туситала всегда высказывал очень важное, что-то такое, о чем не то что никому не говорил — писал и то не всегда...

— Ну что же делать, Сильвер, если эти люди удумали войну? — спросил Туситала. — Неужели я не сумею отговорить их? Представляешь, они перевели «Дьявольскую бутылку»* и теперь зачитываются ею. Так вот, я придумал, как с помощью этой бутылки...

— Делай, как знаешь, — перебил Джон Сильвер, которому было совершенно неинтересно, как отговаривают людей от войны. — Только сдается мне: здесь твоя последняя пристань.

Настала ночь: время борьбы звездного света с бездонной темнотой густых чащ. Свет падал в темноту леса и тонул в ней, но стоило ему прорваться, дотронуться звездными лучами до какой-нибудь одинокой поляны или дороги, как та сразу озарялась почти дневным светом. Звезды то и дело срывались с небесного купола: поглядеть, что же там, в земной темноте, и можно было бы загадывать множество желаний, но в усадьбе Ваилыма** все в эту ночь были заняты другими делами.

На лестнице раздались легкие шаги — если бы снежинки имели ноги, у них была бы такая походка, — и на пороге комнаты, где лежал Туситала, появилась молодая служанка Фаума. Всем своим видом она показывала, что жизнь ее, в сущности, еще только начинается и очень приходится ей по душе. Одетая Фаума, как всегда, была в яркую лавалаву***, на шее красовалась гирлянда из красных душистых ягод и желтых листьев. Поняв, что ее одеяние смотрится чужим в пропахшей болезнью комнате, она застыла на пороге, испуганно посмотрела на Туситалу и прошептала:

— Любовь! **** Господин воюет со злыми духами? С каких небес берет он силы, чтобы жить?

Фэнни внимательно посмотрела на служанку.

— Иногда мне кажется, что болезнь родилась раньше мужа. Она стояла наготове и, как только Луис родился, бросилась на него и начала пить соки.

Черное марево перед глазами густело, превращаясь в сплошную непроглядную стену. Сильвер казался частью этой стены — красным барелье-

* Новелла «Дьявольская бутылка» — первое художественное произведение, переведенное на самоанский язык. Ее публикация сильно подняла авторитет и популярность Стивенсона среди самоанцев.

** Усадьба Стивенсонов на острове Самоа.

*** Кусок материи, обертываемый вокруг тела, основная одежда самоанцев.

**** Традиционное самоанское приветствие.

фом на черном фоне. Но вот он сделал шаг, еще один...

— Сдается мне, это твоя последняя пристань, — повторил старый пират.

Туситала смотрела на него не отрываясь. Так, наверное, змея вглядывается в факира, играющего на дудке: в этом взгляде нет страха, но лишь восхищение и безнадежность.

Сильвер сделал еще шаг.

— И будет море, и небо, — прошептал он, — и по вечерам ветер начнет шелестеть кронами деревьев и те станут говорить о чем-то непонятном, но очень важном, чайки будут кричать все так же протяжно и солнце палить все так же жарко. Все это будет, будет! А ты, создатель, уплывешь в совсем иные моря... Но всему свой срок. Прежде чем искать сокровища, нужно, чтобы кто-нибудь их потерял, не так ли? До встречи!

Красный плащ еще долго светился в темноте...

— Ужасно болит голова. — Туситала открыл глаза и сразу увидел улыбающееся лицо Фэнни. — Фэнни, ты, наверное, совсем не спала. Измучилась со мной, да?

Вместо ответа Фэнни наклонилась к нему и поцеловала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой дом Туситалы просыпается

Это был дом, который не отгораживал себя от мира, а старался слиться с ним, стать продолжением этого бескрайнего — лесного, морского, земного — мира, который в этот час просыпался. Просыпался вместе с ним и дом Туситалы.

Первым всегда появлялся Суанатуфа. Как бы рано ни вставали другие обитатели дома, Суанатуфа уже работал на огороде.

Огромный, как скала, широкоплечий самоанец, чью грудь никогда не украшало ничто, кроме ожерелья из черных листьев, чью щеку пересекал ножевой шрам, в это утро шел через гостиную со своей вечной мотыгой через плечо.

Но сегодня его уже ждали. Наверху, рядом с дверью, над которой висела ветка розовых кораллов, стояла Фаума.

— Любовь, Суанатуфа! — крикнула она и бросилась по лестнице вниз.

Но Суанатуфа не обратил на ее крик никакого внимания. Даже когда она подбежала и дотронулась до его плеча своими невесомыми пальцами — поверьте, прикосновение пальцев любящей женщины многого стоит, — даже тогда Суанатуфа никак не отреагировал и вышел во двор.

Он вообще никогда не разговаривал, этот странный самоанец. Никогда и никому не рассказывал он, какие сражения так обезобразили его лицо. Никто не знал, был ли Суанатуфа немой от рождения или просто отказался разговаривать с людьми.

Под лучами раннего утреннего солнца листья казались прозрачными и почти невидимыми, но чем выше поднималось солнце, тем плотнее и зримее становились они.

Туситала сегодня проснулся раньше обычного: уезжала Белла, а он так привык диктовать ей, и хотелось перед ее отъездом поработать побольше.

Он подошел к той, кого по всем законам надо назвать «падчерицей», но кого он любил, как родную дочь, и грустно произнес:

— Мне жаль, Белла, что ты уезжаешь. Мне

кажется, без тебя работа над «Гермистоном» застопорится.

— Если не будешь отвлекаться на все эти местные распри, ты напишешь еще сто романов, — тоном учительницы начальных классов сказала Белла.

— Ты права, — вздохнул Туситала. — Кстати, я еще хотел сегодня продиктовать письмо в «Таймс». Ты не против?

— Я-то не против, — вздохнула Белла. — Но неужели ты думаешь, что эти письма хоть чему-нибудь помогут? Ну, напишешь ты письмо про то, что братоубийственная война — это ужасно. И что дальше?

Туситала не ответил...

В это время в гостиной уже готовились к первому завтраку.

И, как всегда, когда стол был уже почти накрыт, появился Ллойд.

— Любовь, ма! — крикнул он с порога и поцеловал Фэнни.

— За столько лет не могу привыкнуть к этому странному приветствию. — Фэнни что-то поправила на столе. — Любовь, сын!

— А мне нравится: любовь — и все дела!

Фэнни внимательно посмотрела на своего сына и в который раз поразилась: какой же он все-таки мальчишка! В его возрасте другие молодые люди уже делают себе карьеру, а этот... Пробует, правда, писать, но... Впрочем, Луис говорит, что у мальчишки есть талант. Вспомнив про Луиса, Фэнни подумала: можно ведь и до старости оставаться мальчишкой и вообще при таком отчине требовать от Ллойда серьезности было бы по меньшей мере несерьезно.

— Кстати, не опоздай ко второму завтраку! — грозно сказала Фэнни. — И оденься поприличней, все-таки в гости придет.

...В этот утренний час, когда просыпался дом Туситалы, когда Тихий океан, будто оправдывая свое название, робко стелился у ног, как огромная нашкодившая собака, когда Ваилимский водопад и тот старался шуметь тише, когда гора Ваза, покрытая утренним туманом, казалась небольшим холмом, когда цветы поворачивали к солнцу свои бутоны и, словно потягиваясь, распускали лепестки, когда вся жизнь представлялась сплошным ожиданием и предвкушением, — в этот тихий утренний час воин Сими приближался к усадьбе Ваилима. Он знал, что ему делать. Его ножи были отточены остро. Сам Лаупепе напутствовал его.

Сими спрятался под окном гостиной. И вдруг увидел, как прямо через окно «вплывает» в дом Туситалы военное каноэ, на котором сидят три размалеванных духа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой в окно дома Туситалы вплывает военное каноэ, а из окна вылетает древесная лягушка

Услышав шум, Туситала выскочил из своей комнаты на втором этаже и посмотрел вниз. Белла испуганно выглядывала из комнаты, не решаясь выйти. И хотя, как и все в его семье, девушка эта была не из робкого десятка, зрелище, открывавшееся ее глазам, могло испугать кого угодно.

В окно гостиной врывалось военное каноэ, раскрашенное разноцветными листьями. На носу каноэ сидел не то человек, не то дух, лицо которого

было размалевано так, будто его обмакнули в палитру художника. Еще двое духов восседали на корме.

Проплыв по воздуху, каноэ ударились о шкаф и остановилось. Тот, что был на корме — видимо, главный дух, — вскинул вверх руку и заорал нечто нечленораздельное. Двое других последовали его примеру. Тогда главный сорвал с груди ожерелье из ягод — всего на нем висело ожерелий десять — и, не выходя из каноэ, начал рассыпать ягоды вокруг лодки.

На крик прибежали Фэнни и Суанатуфа.

Увидев каноэ, всплывшее в окно, Суанатуфа рухнул на колени, закрыл голову руками, стараясь вовсе не глядеть на пришельцев.

Фэнни замерла у дверей комнаты и скорее удивленно, чем испуганно посмотрела на Туситалу.

— Кто вы? И что все это значит? — спросил Туситала. В голосе его не было и тени страха.

В ответ главный дух повернул к нему свое разукрашенное лицо и дико захохотал.

— Отец, не спускайся к ним, — прошептала Белла, — мало ли кто это и чего они хотят.

Но Туситала уже начал спускаться.

Тогда главный дух три раза ударил веслом о дно лодки, и каноэ чуть «отплыло» назад. Это заставило Туситалу остановиться.

Духи одновременно подняли свои копья и навели их на Туситалу. Туситала сделал шаг — одно из копий оказалось совсем рядом с его сердцем.

— Луис! — вскрикнула Фэнни.

— Все в порядке. — Неожиданно для всех Туситала сел на диван и спокойно развернул газету.

Подобное спокойствие удивило Фэнни и Беллу и возмутило духов. Они одновременно подняли свои копья: казалось, еще секунда — и копья полетят в Туситалу.

— Генри, — сказал хозяин дома, не поднимая глаз от газеты. — Если ты швырнешь копье и попадешь в диван — тебе придется покупать новый. Но поскольку ты никогда и ничего не умел делать хорошо, то вполне можешь попасть в меня. А вот приобрести нового Туситалу, боюсь, будет совсем не просто. Даже с твоими деньгами.

— Да ну тебя, Луис, — расстроено произнес главный дух, — знаешь, какие деньги я потратил, чтобы нанять белых людей? Никто из самоанцев не соглашался не то что духов изображать, но даже тащить каноэ! А ты меня расколол так быстро.

Фэнни осторожно подошла к каноэ и провела рукой по лбу главного «духа». Краска стерлась, и под ней оказалась загорелая кожа.

— Нет, Генри, ты неисправим. — Фэнни пыталась улыбаться. — Признаюсь: ты меня здорово напугал!

Белла крикнула что-то по поводу того, что как хорошо, мол, уехать из этого сумасшедшего дома, и стрелой вылетела из гостиной.

— Все, ребята, нас раскололи, — вздохнул Генри. — Можете увозить каноэ.

Молча поднялся с колен Суанатуфа. Молча подошел к Генри. Молча — в упор — посмотрел ему в глаза и так же молча вышел.

— Не нравится мне этот слуга, — сказал Генри, — наглый какой-то... И шрам этот бандитский. Ты меня еще вспомнишь: они тебе чего-нибудь устроят.

— Суанатуфа действительно странноват, — согласился Туситала. — За то время, что он работает у нас, он не произнес ни слова. Я раньше думал, немой. Но однажды ночью мне не спалось, и я по-

шел погулять, вошел в конюшню и услышал, как Суанатуфа уговаривает моего строптивого Джека — ты знаешь этого бешеного коня — слушаться меня, говорит какие-то странные слова о великом счастье возить Сочинителя Историй. Сначала я удивился, даже хотел потребовать у Суанатуфы объяснений. Но потом решил: нельзя же отнимать у человека право быть странным?

— Ты меня умиляешь, Луис. — Генри забыл, что он весь разукрашен и увешан гирляндами, и потому никак не мог понять, почему Луис и Фэнни улыбаются, глядя на него. — Ты напрасно улыбаешься, напрасно, я хорошо плачу слугам, не бью, кормлю нормально. Но позволить, чтобы у какого-то там слуги была от меня тайна? Это уж — простите... Фэнни, разве я не прав?

— По-моему, прав Луис, — как всегда спокойно и весомо ответила Фэнни.

Генри Моор не так давно приехал на Самоа и не знал, что в доме Сочинителя Историй был неписанный, но свято соблюдаемый закон: если рядом не было посторонних, домашние могли спорить и даже ссориться друг с другом, но во всех спорах и разногласиях с пришлыми людьми они стояли горой друг за друга.

— Как знаете, — ухмыльнулся Генри, — только я вплыл в ваш дом по спине какого-то туземца с красной повязкой по самые глаза. Он сидел под окном гостиной и явно кого-то выслеживал.

— Туземцы любят меня и не сделают мне зла, — Туситала снова принялся разглядывать газету.

В это время распахнулась дверь и на пороге появилась Ллойд.

— Уплыло каноэ, да? Обидно! Как всегда, самое интересное пропустил. Уже вся Ваилима кричит про боевое каноэ, плывущее по воздуху, и армию духов на нем. Говорят, это к войне.

— Слухи на земном шаре везде распространяются с одинаковой скоростью, — рассмеялся Генри. — Скучно у вас, ребята, невыносимо. Магазин мой в Апии* работает сам по себе. И чем мне заняться?

Тут Генри поднял свои подведенные краской глаза к потолку, начал философствовать: как все торговцы, он очень любил философствовать.

— Ты знаешь, Луис, на Самоа я еще раз убедился в простой истине: мы в этой жизни всего только наблюдатели, и не более. Вот плывет лист, гонимый ручьем, и как бы ни относился лист к ручью — пусть он его хоть ненавидит, хоть боится, — листик все одно несет, мчит, влекомый потоком, и поделать ничего не может. Ничего! Так же и мы — осенние желтые листья, которые несет в болото забвения, и все, что нам остается, — гадать по сторонам, впихивать в себя впечатления, которые, если вдуматься, тоже никому не нужны. — Генри перевел дыхание. Когда он начинал говорить длинные речи — совершенно не нуждался в собеседнике. — Вот и приходится разглагольствовать, чтобы хоть как-то развеяться. Деньги платить, чтоб себя и других развлекать. Между прочим, Луис, если бы ты меня так рано не распознал, я бы тебе продемонстрировал еще один сюрприз.

Генри достал из своей сумки сверток, который дергался и издавал странные звуки. Когда Генри все же развернул его, все услышали громкий, резкий звук пилы. В руках Генри держал огромную древесную лягушку.

Столица Самоа.

— Какова тварь, а? — Генри всеми силами старался удержать лягушку в руках. — Я мечтал, как эффектно достану ее и вы все обалдеете от этого звука, а ты...

— Генри, можно поддержать? — попросил Ллойд. Стой! Не делай этого! — истошно закричал Туситала, отбрасывая газету. — Генри, признайся, неужели это древесная лягушка?

Вопрос был явно лишним: громкий звук пилящей пилы говорил сам за себя.

— Выброси ее, — взмолилась Фэнни, — ненавижу этот звук. Зашвырни куда-нибудь подальше.

Генри размахнулся, и лягушка вылетела в окно.

— Тут уж выбрасывай не выбрасывай... — вздохнул Туситала. — Да, Генри, беда пришла...

Генри пытался понять: в шутку говорит Туситала или всерьез. Ему хотелось понимающе улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Да, Генри, сразу видно, что ты здесь живешь недавно, — печально произнес Туситала.

— А что? — Голос Генри предательски дрожал.

— Он еще спрашивает: а что? Знаешь ли ты, что каждая, даже безобидная тварь в этом мире обороняется. Любой жучок имеет что-нибудь такое, что помогает ему биться с врагами.

— Может, не надо мне читать лекции по биологии? — взорвался Генри.

— Как знаешь. Только хочу сказать, вдруг тебе это будет интересно: древесной лягушке помогает бороться с врагами ее кожа. Ядовитая кожа. Посмотри, руки еще не гниют? Пожалуй, гниение начнется чуть позже, к вечеру. Извини, Генри, мне искренне жаль...

— Ты меня разыгрываешь, да? Разыгрываешь? — с надеждой спросил Генри.

— Можешь не верить, — Туситала снова принялся за газету. — Сначала у тебя начнет гнить кожа на руках, потом на ногах, потом вылезут волосы, потом ты перестанешь есть, пить и будешь медленно-медленно высыхать. Правда, есть один способ, если я не ошибаюсь.

— Какой?

— Козлиный помет, — Туситала выдержал паузу. — Если как следует вымазать руки козлиным навозом — тогда можно спастись.

— А может, лучше к доктору пойти? — уже совершенно серьезно спросил Генри.

— Делай, как знаешь, — вступила в разговор Фэнни. — Только помни, что время сейчас твой самый злейший враг.

— Слушайте, ребята, — уже не просил — умолял Генри. — У вас ведь есть коза? Даже две. Дайте навозу, ну, пожалуйста.

— Мы вообще собирались завтракать, — еле сдерживая смех, сказал Ллойд.

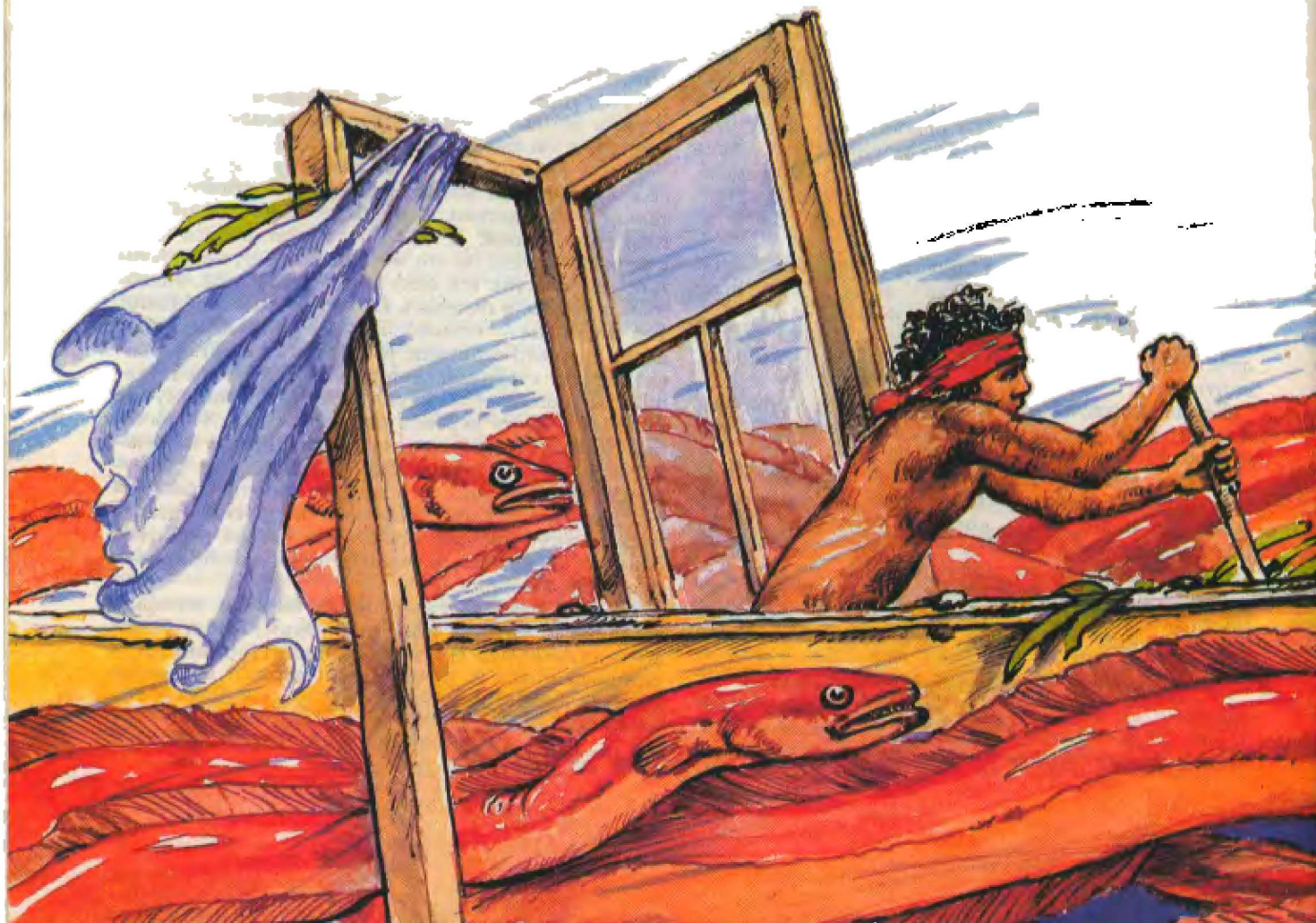
— Но если ты, Генри, пойдешь к Суанатуфе, — Туситала усмехнулся, — то он, возможно, выделит тебе необходимую порцию.

Генри выскочил из комнаты куда быстрее обычного.

Ллойд зашелся от смеха.

— Мы садимся завтракать или нет? — Туситала был совершенно спокоен. — Пусть еще скажет спасибо, что я денег за навоз не взял. Не появилось еще на свете человека, который мог бы безнаказанно разыграть Сочинителя Историй!

В окно было видно, как Генри что-то говорит Суанатуфе. Суанатуфа долго не может его понять, но потом лопатой кидает ему навоз на руки. При этом вечно хмурое лицо Суанатуфы озаряется детским восторгом.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в начале которой Сими проникает в дом Туситалы, чтобы в конце убежать из него

Сими был воин — он ничего не боялся. Сими знал: нет на свете ничего такого, что нельзя было бы уничтожить. Ничего, кроме духов. С ними невозможно воевать, даже думать об этом страшно.

И когда по его спине в дом Туситалы выплыло каноэ с тремя духами, Сими испугался так, как не пугался еще ни разу в жизни. Он спрятал голову в колени и, хотя повязка мешала дышать, сидел скрючившись довольно долго.

Но Сими был молод. А когда человек молод, то, если в нем начинают бороться любопытство и страх, любопытство всегда берет верх. Сими поднял глаза и робко заглянул в дом...

Когда Сими увидел, что Туситала остается спокойно сидеть на диване, не обращая ни малейшего внимания на копыа, нацеленные ему в грудь, — он понял: этот человек — бог. Он сильнее бога — он не боится духов. Когда Сими увидел, как Фэини подошла к главному духу и дотронулась до его лица, — он опустил глаза. Сими знал: сейчас ударит молния или земля разверзнется. Но ничего этого не случилось, более того: каноэ уплыло, а главный дух остался в плену у Туситалы.

«В этом доме живут боги, — решил Сими, — Социнитель Историй, покоряющий духов, — это даже больше, чем бог. Хотя что может быть больше, могущественней, чем дух? Если Сими осквернит дом Туситалы убийством, злые духи навечно возьмут его в плен, и Сими вечность будет мучиться. А вечность — это так страшно, что даже представить себе нельзя».

Сими настолько увлекся своими мыслями, что не заметил, как из окна дома вылетела древесная лягушка и, разрывая окрестности дикими звуками, упала недалеко от него. Впрочем, если бы он даже и обратил на это внимание, вряд ли бы

удивился. Кто знает, что должно вылетать из дома, где живет бог? И почему бы из этого дома не вылетать древесным лягушкам?

Сими размышлял. Теперь он знал точно, что идет на смерть. Даже больше чем на смерть — на смерть без конца, на вечные мучения шел он, воин Сими. Отступить? Убежать? Но с первых шагов по этой зеленой земле внушали ему: единственная правда для воина — приказ. Изменить этой правде значило изменить себе, значило потерять себя, то есть умереть. Выбора у него не было.

Когда завтрак в доме окончился и все разошлись по своим делам, Сими легко выпрыгнул в окошко и скрылся за занавеской.

Едва он затаился, раздался голос Туситалы. Голос лился откуда-то сверху, будто с небес. Слова были как будто знакомые, но смысл их Сими почему-то понимал очень плохо.

«Умереть? А что это, собственно, значит? — диктовал Туситала. — Я хотел бы превратиться в облако и вновь возникнуть в виде травы или цветов; быть все той же удивительной, пульсирующей, чувствующей материей... Сознание, нервные узлы и прочее в этом роде в конце концов всего лишь фикция...».

В гостиную вошла Фаума. Начала убирать со стола. Сими чуть отодвинул занавеску... Нож лежал на его ладони, как приклеенный. Сими поставил руку почти вертикально — нож не упал. Спина Фаумы была совсем рядом, казалось, до нее можно дотянуться...

Вошел Суанатуфа, Фаума радостно улыбнулась и быстро-быстро заговорила:

— Все вокруг только и делают, что твердят о войне. Говорят, рыбаки поймали рыбу без хвоста — это к войне. Суанатуфа знает, что такое война? — Фаума попыталась погладить шрам на щеке самоанца, но тот отдернул голову. — Ну почему, почему ты ни с кем не разговариваешь? Будто у тебя язык ветер вырвал, Фауме совсем не с кем говорить, и она...

* Цитата из Стивенсона.

Но договорить Фаума не успела...

Тревожно повел Суанатуфа глазами. Ноздри его раздулись, как у зверя, почуявшего добычу. Молнией бросился он к занавеске. Удар! От которого у Сими перехватило дыхание. Суанатуфа выволол его, скрюченного бросил на пол.

— Что это?! — закричала Фаума. — Скорее все сюда!

На крик вышли Туситала и Белла.

Увидев двух самоанцев, один из которых, с красной повязкой на лице, валялся на полу, а второй — Суанатуфа — крепко держал его, Белла вернулась в комнату. Ей захотелось уехать отсюда и как можно скорей.

— Кто ты? Что тебе надо в моем доме? — спросил Туситала.

Воин молчал.

Туситала сдернул повязку с его лица. Перед ним был очень молодой воин, мальчишка.

— Отпусти его, — сказал Туситала. — Нет ничего унижительней, чем воин, стоящий на коленях.

Суанатуфа еще сильнее вывернул руку Сими.

— Сими не нужен скальп Туситалы, — заговорил Сими. — Сими нужно верить. Он не сделает Туситале зла.

Туситала посмотрел на солнце — оно жарило вовсю — и понял, что сегодня поработать вряд ли удастся.

— Тебя зовут Сими? Любовь, Сими!

— Любовь, Туситала!

Услышав приветствие, Суанатуфа отпустил Сими.

— Я же говорил: он пришел с любовью, — улыбулся Туситала. — Благодарю тебя, Суанатуфа. Ты пришел, как всегда, вовремя. Теперь ты свободен.

Не ответив и даже не кивнув, Суанатуфа вышел. Фаума выскочила вслед за ним.

— Ну и зачем же пришел ко мне Сими? И зачем прятался за занавеской? Дом Туситалы открыт для всех.

Сими никогда не разговаривал с богами и совершенно не знал, как это делается. И потому молчал.

— Может быть, Сими пришел посмотреть «бутылку дьявола» — ту самую, что выполняет любые желания?

Сими решил: вот он, конец. С дьявольской бутылкой он точно не справится.

Но Туситала расценил его реакцию по-своему: — Я угадал? Чего ж было прятаться? Я показываю ее всем.

Что-то зловещее послышалось Сими в этих словах.

— Нет, — задрожал он. — Сими недостойн. Нет!

Но Туситала уже подошел к шкафу, порылся в нем и достал таинственную бутылку из синего, полупрозрачного стекла. Внутри бутылки шевелилось что-то черное. Сколько ночей потратил Туситала, использовал все свои немногочисленные инженерные знания*, чтобы добиться эффекта почти живого существа от обычных черных чернил.

— Тот, кто сидит внутри бутылки, может выполнять любые мои желания, — торжественно произнес Туситала. — Я пожелал, чтобы не было войны между Лаупепе и Матаафой! Войны не будет!

* Отец и дед Стивенсона были строителями маяков, и по семейной традиции Стивенсон поступил в Эдинбургский университет на инженерный факультет. Но проучился недолго, тяга к литературному труду, к счастью для нас, перевесила.

Не отрываясь, словно загипнотизированный, следил Сими за тем, как внутри синей бутылки переворачивался, крутился, дышал черный дух.

Долго не мог Сими произнести ни слова, наконец, потупившись, сказал:

— Злой дух — дух твоей страны, Туситала. У вас свой дьявол, и он не имеет власти над нами. У нас свои духи. Так говорит Лаупепе, Сими верит ему. Будет война. Лаупепе победит Матаафу, потому что вместе с Лаупепе идут белые братья.

— Неужели Сими не боится погибнуть? — спросил Туситала, поднося бутылку близко-близко к лицу Сими. — Если Сими пойдет против моего духа, это может плохо кончиться для воина.

— Сими не знает, что такое страх. Сими знает, что такое позор. И он не хочет испытать позора.

Туситала поставил бутылку в шкаф.

— И будет небо, и деревья станут шелестеть о чем-то непонятном, но очень важном, — вдруг сказал он. — Протяжные птичьи крики разольются в тишине, лес будет все так же ярок и многозвучен, а ты рухнешь где-нибудь под деревьями, и в твою голову будут лезть противные черные муравьи.

С Сими никто так не разговаривал. Он почувствовал в себе готовность подчиниться этим словам, а главное, этой интонации — абсолютно искренней и абсолютно дружеской. Но воин подчиняется только приказам, даже если душа его противится этому.

Туситала молчал. Сими понял, что Сочинитель Историй знает, что с ним сейчас происходит. Они молча смотрели друг на друга, пока Туситала не заговорил снова — на этот раз как-то странно — мелодично и очень красиво:

*К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру.
Я радостно жил и легко умру,
И вам завещаю одно —
Написать на моей плите гробовой:
Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно*.*

Туситала кончил читать, сел на диван, а Сими все глядел в потолок, беззвучно шевеля губами.

— Эту историю сочинил Туситала? — наконец произнес он.

— Это мое завещание. Знаешь, что такое завещание?

— Сими думает: завещание — это очень красивая история. Как песня. Да?

Тяжело и печально вздохнул Туситала.

Решительной походкой в гостиную вошел Суанатуфа. Следом за ним, куда более робко, шла Фаума.

Суанатуфа молча протянул Туситале открытую ладонь. На ней лежал, переливаясь в лучах щедрого дневного солнца, абсолютно красный угорь.

— Что это значит? — спросил Туситала.

Но Суанатуфа, как всегда, ничего не ответил, лишь провел угрем по лицу Сими.

— Кровь течет по нашим рекам! — крикнул Сими и упал на колени. — По кровавым рекам духи ведут войну в наш дом!

— Господин говорит с нехорошим человеком, — вздохнула Фаума. — Хороший человек не станет прятаться в чужом доме.

* Орывок из завещания Р. Л. Стивенсона в переводе А. Сергеева.